

Н. Н. Брешко-Брешковский

Рукою палача

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Н. Брешко-Брешковский**
Рукою палача / Н. Н. Брешко-Брешковский – М.: Книга по Требованию, 2015. –
178 с.

ISBN 978-5-519-19812-7

Фантастический роман о революции в одной из республик Южной Америки.
Репринтное издание по технологии Print-on-demand с оригинального из-
дания 1928 г.

ISBN 978-5-519-19812-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

видѣлъ уже по другому тѣлесно бѣлѣвшес лицо, видѣлъ уголек вспыхивавшей сигары.

А знали генерала Серпа-Пинто многіе. Он был извѣстен в Парижѣ, как очень богатый человек, живущій в свое удовольствіе. В мюзик-холах и в ночных ресторанах он был весьма популярен.

Этой популярности он добивался вначалѣ. Вскорѣ он ею пресытился.

Страстным, мучительным желаніем было попасть в высшее общество, в тот особый, голубой крови и бѣлой кости „интернаціонал“, что держится замкнуто, как древняя каста и куда не легко попасть, даже имѣя милліоны и титул папскаго графа, каковой уже около года носил кордуэльскій посланник.

Давно-ли он был всего Серпа-Пинто? Давно-ли? Но когда женился на вдовѣ нефтяного короля Кристинѣ Васкец, вѣрнѣе, заставил ее выйти за себя, и овладѣлъ ея несмѣтным богатством, он рѣшил сдѣлаться графом, или, на худой конец, даже бароном.

На его счастье, от бывших земель Папской Области случайно как-то уцѣлѣлъ скалистый маленькій островок в нѣскольких милях от Чивитта-Веккіа. Островок этот назывался зловѣще и в то же время довольно поэтически: Оккіо-дель-Корва. В переводѣ с итальянскаго — „Вороній глаз“. Любопытно, что даже при дворѣ Его Святейшества позабыли о существованіи этой голой скалы. Серпа-Пинто зналъ по опыту: иногда лучше дѣйствовать снизу, чѣм сверху. И начал дѣйствовать через скромнаго ватиканскаго чиновника, являвшаго собой хладчій архив.

И вот ходячій архив этот сыграл роль миниатюрнаго Колумба, открыв позабытый, затерявшійся клочек папской территоріи. И сам же еще подсказал своему щедрому кліенту:

— А теперь вам надо поговорить с кардиналом Звампою. . .

Серпа Пинто „поговорил“ с кардиналом Звампою,

бывшим архіепископом Болоньи и едва-ли не самым красивым из князей католической церкви.

Серпа-Пинто за двѣсти тысяч итальянских лир купил пустынный островок вмѣстѣ с патентом на графскій титул. Он сдѣлался, так сказать, владѣтельным графом Оккіо-дель-Корва.

На визитных карточках это звучало эффектно, слов нѣтъ, но все-же двери тѣх салонов, куда так стремился попасть вновь испеченный граф, остались для него закрытыми наглухо.

В этих салонах біографія генерала Серпо-Пинто была безызвѣстна. В этих салонах знали, что карьеру свою начал он у себя на родинѣ подмастерьем брадобрея, затѣм попробовал свои силы на кафе-шантанных подмостках, затѣм уѣхал в Париж учиться не то пѣнію, не то живописи. Учился молодой кордуэлец мало. Больше шатался по Монпарнасу и нравился не только женщинам, но и мужчинам. Это дало ему возможность спуститься из убогой мансарды в уютную гарсоньеру.

Основательно обобрав какую-то увядшую англичанку, он с большим брилліантом на мизинцѣ вернулся к себѣ на родину. К этому времени диктаторская власть в Кордуэлѣ была в руках „идейнаго“ бандита Вергары. Вергарѣ приглянулся молодой человек с бритым актерским лицом, и новая карьера, военная, открылась перед Мигуэлем Серпа Пинто.

Вергара сразу сдѣлал его поручиком. Таких поручиков безо всякой профессиональной подготовки было, вообще, много в кордуэльской арміи, Вергара же расплодил их еще больше.

Потом Вергара был нѣсколько лѣтъ не у дѣл. Потом он сверг президента Порфирио Сантоса и сам занял его мѣсто. Засидѣвшійся в капитанах Серпа-Пинто сразу был произведен в полковники, а к тридцати двум годам надѣл генеральскіе эполеты и получил высокій дипломатическій пост в Парижѣ.

И вот благодѣтель его Антонио Вергара опять свергнут. Власть в руках еще болѣе темнаго типа, Моралеса. Моралес успѣл в первый же день разстрѣлять двух епископов и около тридцати прелатов и священников... А кордуэльскій посланник генерал Серпа-Пинто, ватиканскій граф Оккио-дель-Корва, дымя душистой гаванной, переваривая тонкій обѣд, смотрит из своей логи на гирлянды женских тѣл, то не прикрытых ничѣм, то разукрашенных яркими тканями, парчею, перьями и еще чѣм-то и напоминающих не то гигантскіе яркіе цвѣты, не то живыя, нарядныя куклы.

Чѣм же об'яснить такое странное отношеніе генерала Серпа-Пинто к перевороту в его странѣ?

Это мы об'ясним в свое время и на своем мѣстѣ, а пока взглянем в ложу, сосѣднюю с ложею графа.

---

2. Графиня Эулалія Мирамон.

В этой ложѣ сидѣла с тремя мужчинами графиня Эулалія Мирамон, маркиза дн Гуадалахара.

Третій сезон Эулалія считалась одной из самых очаровательных женщин. Это уже очень много. Измѣчивой, капризный Париж часто мѣняет свои вкусы и моды . . .

Черная „венера“, Жозефина Бекер, — она ли не была кумиром? Ей ли не поклонялись, как идолу? А гдѣ она теперь, Жозефина Бекер со своими бананами, перьями, со своим трясущимся задом, и развѣ не позабыта она уже весьма основательно?

Графиню Эулалію нельзя было назвать не только красавицей, но и даже красивой в принятом значеніи слова. У нея не было правильных черт, а виѣшніе углы ея сѣро-зеленых глаз были приподняты к вискам. И эта оригинальность восхищала всѣх тѣх, кто склонен был восхищаться этой высокой и гибкой женщиной с узкими плечами и удлинненным породистым лицом.

Хотя Эулалія испанка не только по мужу, скончавшемуся нѣсколько лѣтъ назад, а и по рожденію, по крови, но ничего отличительнаго, испанскаго не было в ней. Европейская аристократія, в силу смѣшанных браков в своей средѣ на протяжении цѣлаго ряда поколѣній, — больше всего интернаціональна. И почему венгерскіе магнаты, берущие себѣ в жены англійских герцогинь, должны имѣть сыновей и дочерей скуластых и смуглых венгров? И почему дѣти Радзивиллов и Потоцких, породнившихся с Габсбургами и Бурбонами обязаны быть характерными поляками и польками по внѣшности?

Так и Эулалія. Дальній предок ея Луис Мирамон, знаменитый конквистадор, поднесшій Филиппу IV значительную часть Южной Америки, ставшей впоследствии Кордуэлой, за свои заслуги удостоен был графскаго титула и званія испанскаго гранда. И уже он, Луис сочетался браком с французскою принцессою, и послѣ этого Мирамоны часто роднились с португальскими, англійскими, польскими и бельгійскими домами.

Но, утратив внѣшній національный тип, Эулалія была пламенною патриоткой. Она скорбѣла о тѣх ушедших вѣках, когда во владѣніях испанской короны „никогда не заходило солнце“ . . .

Эксцентричностям и прихотям Эулаліи не было конца. Она пускалась в самыя рискованныя эскапады, заглядывая в такія трущобы, куда самыя смѣлые мужчины слѣдовали за нею с замираніем сердца.

Нѣсколько мѣсяцев назад она прослышала, что в Лондонѣ у кого-то имѣется замѣчательный попугай. Этому попугаю сто пятьдесят восемь лѣтъ. Когда-то он был собственностью маршала Нея и с ним любил играть Наполеон.

Один из поклонников Эулаліи, банкир Генрих Шейман, ѣхал в Лондон на какой-то важный финансовый конгресс.

Эулалія сказала ему:

— Если вы хотите меня видѣть, не возвращайтесь без Наполеоновскаго попугая!

Шейман очень хотѣлъ видѣть Эулалію. Он был влюблен в нее, поскольку, вообще, банкир может быть влюбленным. В Лондонѣ он имѣлъ с попугаем не мало хлопот. Счастливый владѣлец попугая, на несчастье Шеймана, оказался человѣком богатым. Когда Шейман предложил ему за птицу пять тысяч фунтов, он лишь разсмѣялся в отвѣтъ.

Напрасно старался Шейман пустить в ход болѣе тонкія пружины. Он готов был сдѣлать пайщиком своих предпріятій несговорчиваго хозяина исторической птицы. Несчастный англичанин впал, в концѣ концов в нервное разстройство. Ему сказали, что Шейман не пожалѣет никаких денег, дабы выкрасть попугая. Англичанин перенес кѣтку с птицею к себѣ в спальню и, холодѣя, вскакивал среди ночи, желая убѣдиться, не похищен ли попугай?

Шейман вернулся в Париж с пустыми руками.

Эулалія цѣлых полгода не хотѣла его видѣть, и только сегодня „амнистированный“ банкир удостоился сопутствовать в Мулен Руж маркизу Гуадалахара.

Вопреки модѣ, Шейман не брился начисто, а носил бороду. Она шла ему, начинавшаяся у самой нижней губы, полной и чувственной, подстриженная лопаточкой.

Банкир был и молод и красив и увлечься им можно было не только из-за его милліардов, — во франках он был милліардер.

Но у Эулаліи и своих милліонов было достаточно, а Шейман с его корректной виѣшностью ничего не говорил ни ея сердцу, ни ея темпераменту. А жила она с самой юности и до дней нашего повѣствованія, т. е. до тридцати четырех лѣтъ, только сердцем и темпераментом.

Темперамент проявляла графиня Мирамон не только в прямом смыслѣ, как это понимают всѣ, а в своих политических симпатіях и антипатіях.

Нѣсколько дней весь избранный Париж — улица этого не знала, так как газеты замаяли скандал — только и говорил о том, как Эулалія публично в холѣ Клариджа дала пощечину знаменитому соотечественнику

своему, романисту Бласко-Ибаньесу за его отвратительный насквиль на короля Альфонса. Но еще пикантиѣе эпилог этого столкновенія.

Ибаньес отвѣтил ей:

— Счастье ваме, что вы женщина, и я не могу потребовать вас к барьеру!

— О, шер мэтр, хотя я и считаю вас негодяем, но готова с вами драться. Жду ваших секундантов! — И, презрительно окинув романиста с головы до ног взглядом сѣро-зеленых глаз своих, Эулалія удалилась, как королева.

Ни вызова, ни секундантов не послѣдовало. Ибаньес на другой же день умчался в Ниццу, гдѣ у этого республиканца и демократа-милліонера имѣлась роскошная вила.

Кромѣ Шеймана, в ложѣ находились еще два поклонника — Гвидо-Лара и принц Дагобер Демерингскій. Пожалуй, личный секретарь кардинала Ришелье, секретарь для порученій самаго рискованнаго и щекотливаго свойства, имѣл такую же виѣшность, как Гвидо-Лара. Широкіе мазки бровей и болѣе широкій мазок, перпендикулярный к бровям — черная густая бородка. В соответствии с этим, такія же рѣзкія, смуглая черты. Если мы прибавим к этому смѣлый, вѣриѣе, наглый взгляд, взгляд насмѣнаго убійцы, портрет господина Лара будет закончен.

Имя Дагобер воскрешает образ суроваго, закованнаго в желѣзо рыцаря. Принц Дагобер ничуть не соответствовал своему имени. Это был толстый молодой человек, с пухлым, бритым мальчишеским лицом и бѣлыми рѣсницами и бровями.

До революціи Дагобер был наслѣдным принцем королевства Демеринг. Послѣ революціи его мать, королева Шарлотта, вышла замуж за американскаго богача Ветмора. Ветмор назначил Дагоберу ежегодную пенсію в шестьсот тысяч франков. Дагобер на эти деньги жил припѣваючи, пока не влюбился в Эулалію, влюбился с упрямством наивнаго, недалекаго мужчины.

Он говорил ей :

— Ветмор обѣщал мнѣ десять милліонов на возстановленіе монархїи в Демерингѣ. И тогда я буду королем, а вы, вы королевой ! . .

Дагобер часто возвращался к этому и так же часто смѣялась Эулалія.

Дагобер, надув губы, как мальчик, обиженно восклицал :

— Что-же тут смѣшного ?

— Все ! А самое главное, вы, мой милый принц, в коронѣ и горностаевой мантіи . . .

Пропуская это мимо ушей, бѣдный принц попытывался :

— И вас нисколько не прельщает быть королевой ?
Нисколько ?

— Королевой Демеринга ? Нисколько !

Дагобер ребячески плутовато подмигивал бѣлой бровью :

— Это вы теперь говорите ! А что скажете, когда я сяду на трон моих предков ?

— То же самое, милый мой, то же самое ! Но могу утѣшить вас, тогда я буду называть вас Вашим Величеством и, как полагается, буду встрѣчать вас реверансом.

Это было плохим утѣшеніем для принца. Он худѣл от своей безнадежной любви, но не настолько, впрочемъ, чтобы превращаться в стройнаго молодого человѣка.

---

3. О женской наготѣ и об эксцентричной испанкѣ.

Легкія движенія под легкую музыку. Все для глаз и ничего, или почти ничего, для слуха. Зрительныя впечатлѣнія — прежде всего. Слушать и воспринимать труднѣе, чѣм смотрѣть.

А послѣвоенная толпа жаждет волнующих, чувственных зрѣлищ, музыка-же на втором планѣ, да и то

непремѣнно должна быть такой же раздражающей, чувственной.

И в помощь всему этому — техника. И трудно сказать, что является декорацией: вычурное архитектурное построение и свѣтовые эффекты к этим раздѣтым и полураздѣтым женщинам, или раздѣтыя и полураздѣтыя женщины к этим архитектурным фантазіям и чудесам электротехники?

Все утомляет, даже нагота, особенно если она через чур откровенна, ничего не оставляет воображенію и представлена в таком чрезмѣрном количествѣ. В концѣ концов, даже самый похотливый зритель начинает уставать, изнемогать от непрерывнаго зрѣлища голых женских тѣл на протяжении трех часов. Нагота обжигает и бьет по нервам, когда она мелькает с ослѣпительной мгновенностью молнии, не дав насладиться собой и ставляя желать еще и еще.

И при этом должна быть идеально прекрасна, чтобы не было мѣста критикѣ, или же, хотя, не было бы времени для этого.

А здѣсь, здѣсь было мѣсто не только критикѣ, но и досадливым придиркам. Самый невзыскательный глаз имѣл досуг отмѣчать отвисающія груди, то иелѣным конусом, то жиденьким мѣшечком, то вульгарно кругляшіяся. Было не мало коротких ног и не мало худых, с острой колѣнной чашкой. Далеко не у всѣх были плавныя движенія рук и было очень много длинных и плоских спиц. И, увы, далеко не всѣ из этих довольных собою фигуранток были тщательно вымыты. Это замѣчалось даже без приближающих стекол бинокля . . .

На фонѣ этой бездарной выставки оголѣнія загоралась Мистингет, годившаяся если не в бабушки, то во всяком случаѣ в мамыши всѣм этим молодым дѣвушкам и женщинам. Безыменными статистками через два-три года снѣ уйдут в неизвѣстность к своим апашам, любовникам, к своим мужьям, к дѣтским пеленкам и газовым кухням. А эта богиня будет еще сіять и сіять, ибо секрет успѣха не в молодости, а в личном обаяніи и талантѣ.

Появленія мисс Вентури с ея акробатическими танцами сразу подняло настроеніе. Все сочеталось в ней: и благородство классических форм, и чеканная техника, и чувство ритма, доходящее до музыкальности любого движенія.

Даже генерал Серпа-Пинто, вынув сигару изо рта, начал аплодировать. А за ним — и вся свита.

Мисс Вентури, свѣтлая блондинка, граціозно раскланивалась, особенное вниманіе — это замѣтили всѣ — удѣлив ложѣ Эулаліи.

Она нѣсколько раз танцевала в особлякѣ графини, и Эулалія знала ея біографію, знала, что мисс Вентури — псевдоним, что танцовщица русская и около трех лѣтъ назад бѣжала из совѣтскаго рая, бѣжала оборванная, голодная, босая, глухою ночью пробираясь сквозь проволочныя загражденія, отдѣляющія Совденію от всего внѣшняго міра.

Капризная судьба.

Послѣ этих ужасов, послѣ агонійных мук, между ницетою и красным застѣнком, Париж, волшебный Париж, с его такими же волшебными возможностями, с ослѣпительными огнями раппы, с поклоненіем, извѣстностью. . .

— Она прелестна, эта маленькая Вентури! -- молвила графиня, подымаясь.

Поднялись и кавалеры, готовые слѣдовать куда угодно за своей дамой. Эулалія пріучила их ко всяким неожиданнымъ.

Но на этот раз никаких сомнительных и рискованных эскапад. На этот раз Эулалія пожелала выпить бокал шампанскаго в каком-нибудь ночном ресторанѣ. Для нея это было слишком даже обыкновенно и просто.

Они очутились под пирамидою гигантскаго восточнаго матра, в искусственном полумракѣ. Лакеи, одѣтые азіатскими слугами, разносили шашлык, нанизанный на острые клинки. Облитые спиртом эти клинки пылали, как шпага опернаго Мефистофеля. Немудреный эффект дѣйствовал на иностранцев.

Полумрак наполнялся пѣжными, тягучими полными невыносимой истомы звуками танго. Румынскія скрипки творили чудеса грѣха и соблазна, проликая в самую душу, дразня нервы, будя желанія, всегда новыя, всегда старыя, как вѣчность. . .

Профессиональные танцоры ловили „психологическій“ момент, и одна пара за другою сплеталась в медленных, сладострастных движеніях танца, порожденнаго горячим солнцем Аргентины.

Принц Дагобер облизывал свои и без того влажныя от шампанскаго губы. Сейчас, как никогда хотѣлось ему видѣть Эулалію королевой Демеринга. О, если-бы скорѣе Ветмор, этот его демократическій бѣ-пѣр дал быщанные десять милліонов на побѣду монархіи в маленькой демократической республикѣ!

Банкир, умѣвшій подчинять себѣ свои чувства, также как и свои многомилліонныя операціи, был очень сдержан, но его выдавали глаза, устремленные на высокую грудь Эулаліи. Ах, зачѣм не удалось ему какой угодно цѣной привезти Наполеоновскаго попугая! Кто знает, быть может, он теперь цѣловал бы эту маленькую чуть чуть круглящуюся под тканью грудь с двумя возбуждающими острыми точками.

У Гвидо-Лары издувались на висках жилы. Он был как-то сумрачно замкнут и, несмотря на свой смокинг и вишній лоск, походилъ болѣе чѣм когда нибудь на холоднаго наемнаго убійцу.

Эулалія угадывала настроеніе этихъ мужчинъ. Ихъ тяготѣніе, у каждаго по своему, къ ея гибкому тѣлу, тѣлу женщины, которая, будучи раздѣта, кажется полигѣе, чѣм когда она в платьѣ.

И хотя ни один изъ нихъ ей не нравился, ей пріятно было сознавать, что они желаютъ ее. Это чисто по женски. Мужчины же, наоборот, тяготеютъ вниманіемъ со стороны женщины ему безразличныхъ и чуждыхъ.

И, медленно пригубливая шампанское, она как-то изъ подлѣбья пытливо всматривалась сѣро-зелеными, приподнятыми къ вискамъ глазами, в трехъ мужчинъ, и что-